

Першина К. В.

Концепция языка М. М. Бахтина: истоки и современность

Концепция языка, созданная М. М. Бахтиным, приобрела в истории бахтинистики особую важность не только как значимая часть его философской и литературоведческой системы, но, прежде всего, в качестве эксплицированной, «живой» методологии гуманитарного знания, определившей своеобразие бахтинской мысли. Тема связанности языковых проблем и проблемы бахтинской методологии поднималась в работах многих отечественных ученых. Так в работах Л. А. Гогтишвили, в частности, в статье «Философия языка М. М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма» эта тема предельно заострена и поставлена, что называется, во главу угла: «...монолог, диалог, полифония — это сегодня общезначимые культурологические символы и даже философские понятия с почти установившимся категориальным статусом. Однако естественной субстанцией, в которой зарождались и разворачивались эти бахтинские сюжеты, был, как известно, язык, причем язык сначала — как конкретная реальность культуры и лишь затем — как обобщенно философская категория. В дискуссиях же о Бахтине термин «язык» хотя и используется достаточно часто, но в основном либо в качестве некоего абстрактного символа, либо в качестве «чужого» для Бахтина общеполитического нейтрального термина...»¹. С другой стороны, именно некоторая индифферентность к традиционному аналитическому аппарату литературоведения и лингвистики стала поводом для критического восприятия методологии Бахтина как методологии не «исследовательски-филологической», а «творчески-философской» со стороны такого литературоведа как М. Л. Гаспаров². Переосмысление понятия диалогизированного слова в качестве сугубо лингвистической категории ориентирует бахтинскую методологию как методологию постструктуралистскую и деконструктивистскую в трудах многих зарубежных и отечественных исследователей (Ю. Кристевой, М. Холквиста,

Дж. Фитцджеральда, В. А. Милюкова)³. И вся эта «амплитуда восприятий» научной методологии М. М. Бахтина во многом определяется именно трактовкой языковой концепции ученого.

Особую значимость в такой постановке проблемы приобретает исследование истоков и принципов терминологии Бахтина, исследование непосредственно научно-

¹ Гогтишвили Л. А. Философия языка М. М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма // М. М. Бахтин как философ / сост. С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др. — М.: Наука, 1992. С. 143.

² Гаспаров М. Л. М. М. Бахтин в русской культуре XX века // Вторичные моделирующие системы. — Тарту, 1979; см. также публикацию доклада М. Л. Гаспарова: Вестник гуманитарной науки. — 2004. — № 6.

³ См. работы: Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // М. М. Бахтин: Pro et Contra: личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманистической мысли: антология / сост. К. Г. Исупов. — СПб: РХГИ, 2001. — Т. 1; Фитцджеральд Дж. Достоевский и постмодернизм: «человек из подполья» как деконструктивист // Достоевский и мировая культура: альманах. — 2001. — № 1; Холквист М. Услышанная неслышимость: Бахтин и Деррида // Бахтинский сборник / Отв. ред. и сост. В. Л. Махлин. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — Вып. 5. С. 88—109.

го текста как «самоиллюстрированной философии языка с установкой на не прямое говорение»¹. Так Н. Д. Тамарченко в работе «Поэтика Бахтина и уроки бахтинологии» подчеркивает необходимость поиска определенной эстетической и философской системы, а также системной поэтики, стоящей за разрозненными и очень индивидуальными терминами Бахтина. С. Н. Бройтман во многих работах, посвященных наследию Бахтина, также вплотную подходит к этой теме. Ученый подчеркивает особое восприятие Бахтиным термина как инструмента современной науки: «Определенность термина (и его устойчивость и однозначность) может быть только функциональной и только в системе. Где такой системы нет (в литературоведении), определенность и однозначность изолированного термина превращает его в тот лежачий камень, под который вода не течет, живая вода мысли»². Отсутствие «системы» в литературоведении С. Н. Бройтман объясняет необходимостью оперировать понятием качественно иного целого — целостностью — в случае гуманитарных дисциплин, «наук о духе». Эта целостность становится «системой in actu»³, диалогизированной, живой. Исходя из этого, исследователь намечает характерный вектор движения терминологического аппарата М. М. Бахтина от полюса значения слова, то есть «тех моментов высказывания, которые повторимы и тождественны себе во всех повторениях»⁴, к полюсу тематизма слова, когда «смысл целого высказывания включает в себя не только языковые формы, но и внесловесные моменты ситуации»⁵. Эта ориентированность терминологии Бахтина мыслится как ориентированность на архаическое слово, которое «в сущности не имеет значения, оно все — тема»⁶. Бахтин замечает: «Греческая мысль (философская и научная) не знала терминов с чужими корнями и не участвующих в том же значении в общем языке, слов с чужим и неосознанным этимологом. Выводы из этого факта имеют громадную важность. В термине, даже и не иноязычном, происходит стабилизация значений, ослабление метафорической силы, утрачивается многосмысленность и игра значениями»⁷.

На наш взгляд, очень многое роднит языковую концепцию М. М. Бахтина с принципами осмысления этого феномена ранними греческими философами. Это и приверженность к упомянутому выше тематизму слова во всех сферах речевой деятельности, а также специфическая «неактуальность» понятия языка как некой абстрактной системы в сосюрловском смысле. Мысль теоретиков ранней Античности, которая во многом функционировала в ориентирах мифологического сознания, направлена на осмысление понятий «речи», «слова», «имени», но проходит мимо понятия некой обобщающей сферы языка, и уж никак не представляет себе упомянутые выше сущности в качестве единиц этой отвлеченной системы. Некоторая логическая закономерность, выявляемая при осмыслении «слов» и «имен», соотносима непосредственно с онтологической закономерностью, а предполагаемая лингвистическая закономерность здесь остается «за скобками»: «Поскольку имя непосредственно принадлежит вещи, для архаического мышле-

¹ Гогтишвили Л. А. Философия языка М. М. Бахтина ... С. 144.

² Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 тт. — Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х гг. / под ред. С. Г. Бочарова и Л. А. Гогтишвили. — М.: Рус. словари, 1996. С. 377.

³ Бройтман С. Н. Научный язык и терминология М. М. Бахтина. Некоторые итоги // Дискурс. Коммуникативные стратегии культуры и образования. — 2003. — №11. С. 7.

⁴ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук / сост. примеч., библиограф. указ. Д. А. Юнова. — СПб.: Аста-пресс ltd, 1995. С. 318.

⁵ Там же. С. 317.

⁶ Там же. С. 319.

⁷ Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 тт. — Т. 5. С. 79.

ния нет надобности относить имена к какой-либо иной сфере, отличной от сферы бытия вещей»¹. Такая «надобность» возникает для более поздней античной мысли (к примеру, философии элейтов), воспринимающей мир не обладающим реальным бытием, но относящимся к области «мнения» (*δόξα*), и имя, принадлежавшее «по природе» ранее самой вещи, выпадает теперь вместе с вещью из сферы бытия. Однако это, в противоположность ранним античным теориям языка, именно та интенция, в полемике с которой формировалась философия и эстетика диалогизма, та самая идея первичности мышления по отношению к речи, от которой отталкивался в осмыслении феномена языка как некоего универсального «связного» О. Розеншток-Хюсси².

В этом смысле весьма интересным представляется опыт осмысления языковой концепции Бахтина в контексте противопоставления конвенциональной теории языка и «природной» теории, теории имени — противостояния очень древнего, возникшего на заре зарождения рефлексивной мысли в отношении феномена языка, в Античности. С одной стороны, представление о неразрывной, нечленимой связанности слова с самой вещью, характерное для архаического мышления, во многом созвучно стремлению бахтинской мысли преодолеть разлом между миром абстрактных понятий, к которому принято относить некое абстрагированное целое языка, и миром наличного бытия вещей.

Однако в своем последовательном стремлении объединить концы этих «ножниц» во всех сферах гуманитарной мысли и искусства в едином акте поступка и высказывания (также понимаемого как поступок) Бахтин напротив отталкивается от традиции «имеславия», законной наследницы античной теории природной, неотъемлемой принадлежности конкретного имени конкретной вещи. Эта традиция в полной мере приняла и развила античную мысль о некоей надмирной неизменности имени, слова³. Здесь имя «изымается» из мира феноменов и становится абсолютным представителем мира ноуменов. При этом функционирование слова и имени в обыденной речи, их, так сказать, бытие-в-мире воспринимается лишь в качестве косвенного указания на неизменную сущность слова, а часто и в качестве неминуемого искажения этой сущности. Разумеется, такая позиция отнюдь не близка М. М. Бахтину, стремившемуся выявить не только и не столько истоки орудийности слова, сколько истоки орудийности высказывания как живого функционирования слова. Так концепция высказывания вырабатывалась Бахтиным не только в полемике с некоей косностью и теоретизмом лингвистических дисциплин, но и в полемике с таким «размещением» имени и слова в сфере надмирного пребывания, вновь вырывающем их из контекста индивидуальной, единственно ценной, протекающей жизни.

Другим полюсом осмысления истоков слова, как мы уже говорили, является

¹Троцкий И. Проблемы языка в Античной науке // Античные теории языка и стиля: антология истосов. — СПб.: Алетей, 1996. С. 12.

²См.: Розеншток-Хюсси О. Раса мыслителей и Голгофа веры // Розеншток-Хюсси О. Язык рода человеческого. — М., 2000.

³Характерно, что античные теории языка (вплоть до стоиков, переосмысливших это положение) воспринимали категорию «падежа» как некий модус отклонения от идеального пребывания имени, «падение имени», номинатив при этом падежом не считался и воспринимался в качестве некоей должной формы. То же касается и грамматических категорий: древняя грамматика не имеет понятия о морфологических формантах слова, таких как флексия, корень, суффикс. И эти изменяемые морфемы и различные словообразовательные варианты истолковываются как изменения («падения», «отклонения») законченных слов.

конвенциональная теория, также берущая свое начало еще в VII — VI веке до н. э. И. Троицкий отмечает: «Всю философскую проблематику эпохи софистики пронизывает противопоставление «природы» и «закона». По поводу всех социальных отношений и по поводу всех содержаний сознания ставится вопрос: существуют они по природе, как неотъемлемые свойства объектов <...> или по «закону», как человеческие мнения и результат соглашения между людьми? В сферу этой проблематики попадает и язык»¹.

В. А. Миловидов в статье «Бахтинская теория высказывания в современном контексте» подчеркивает актуальность вечного конфликта конвенциональной и «природной» теорий и выдвигает языковую концепцию Бахтина в качестве примера именно конвенциональной теории: «Мысль об универсальной языковой норме как исходной точке речевой деятельности человека (которая, кстати, до сих пор встречается в трудах лингвистов) в бахтинской концепции «двуголосого» слова вытесняется представлением о конвенциональности языковых норм»². Такое утверждение в контексте современных лингвистических идей представляет нам языковую концепцию М. М. Бахтина не столько как носительницу довольно традиционного мнения о договорной природе соответствия знака референту, сколько как очередной лингвистический опыт развенчания условности «знак — референт», так широко представленного в рамках постструктуралистского и деконструктивистского дискурса. Несмотря на то, что подобное восприятие языковой концепции М. М. Бахтина имеет место и даже определенную традицию в довольно широких кругах (особенно, в кругах западной бахтинистики), нам кажется, что с этим положением трудно согласиться. М. М. Бахтин действительно мыслил слово в контексте взаимных интенций как минимум двух говорящих, однако эти интенции выражают определенный оценочно-волевой тон говорящего, «формирующего» данное слово со своего единственного, конкретного места в бытии. Л. А. Гогтишвили отмечает, что процесс речи интересует М. М. Бахтина не с традиционной точки зрения его направленности *на* предмет, но с точки зрения, *из* которой исходит речь³. И этот ракурс не статичен (каким он подразумевается в сосюрловской лингвистике), а высказывание как живой процесс — это и есть изменение ракурса речи. Итак, множественность эмоционально-волевых тонов создает многомерное пространство бытия слова и очень отличается от нейтральной, незаинтересованной интонации, которую предполагает теория «значения по соглашению».

Таким образом, в извечном споре конвенциональной и «природной» теорий языка языковая концепция М. М. Бахтина занимает ту самую золотую середину, которая позволяет, с одной стороны, наделить язык онтологическим, орудийным статусом, но при этом перенести его из сферы идейного «пребывания» в сферу «живой жизни». И, с другой стороны, эта концепция позволяет ввести слово в круг

¹ Троицкий И. Проблемы языка в Античной науке. С. 17.

² Миловидов В.А. Бахтинская теория высказывания в современном контексте (от текста к дискурсу) // Дискурс. Коммуникативные стратегии культуры и образования. — 2003. — № 11. С. 92—100.

³ Гогтишвили Л. А. Философия языка М. М. Бахтина ... С. 147. Подобным же образом Л. А. Гогтишвили раскрывает внутренний смысл и лингвистическую структуру таких ключевых бахтинских категорий, как полифония, монологизм, двуголосие, через характеристику позиции и внутренней интенции адресанта речи. См. об этом: Гогтишвили Л.А. Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией (мягкая и жесткая версии интерпретации идей М. М. Бахтина) // Гогтишвили Л. А. Непрямое говорение. — М.: Языки славянских культур, 2006. С. 139—220.

встречи различных интенций и при этом не «отодвинуть его от уст» говорящего.

Такая ориентированность языковой концепции Бахтина не только в сфере лингвистики или сфере эстетической, но и в сфере философской, послужила, как мы уже упоминали выше, причиной критического отношения к методологическим основам бахтинской мысли такого авторитетного литературоведа, как М. Л. Гаспаров. Ученый выделил в качестве методологических несоответствий и даже «оплошностей» такую особенность бахтинского метода, как стремление к философским (по мнению М. Л. Гаспарова) обобщениям в ущерб аналитическому, исследовательскому «расчленению» материала: «В культуре есть области творческие и области исследовательские, творчество усложняет картину мира, внося в нее новые ценности. Исследование упрощает картину мира, систематизируя и упорядочивая старые ценности. Философия — область творческая, как и литература. А филология — область исследовательская. Бахтина нужно превознести как творца, но не нужно приписывать ему достижений исследователя»¹.

В этом вопросе, как нам представляется, важно выяснить некую общую интенцию, которая пронизывала бы все актуальные бахтинские темы, все сферы его гуманитарной мысли. В качестве такого лейтмотива всех философско-эстетических интуиций Бахтина, кажется, можно выделить стремление преодолеть разрыв между единственным, конкретным актом мыслительной деятельности и активного поступания и между их продуктом, смыслом, теорией, содержанием этого акта деятельности, содержанием не конкретно-жизненным, а общетеоретичным. Эти «ножницы Бахтина» подобным образом раздваивают все сферы бытия человека: сферу культурологических рефлексий, сферу эстетической деятельности и даже сферу органического существования, когда «диалогические возможности живого» заключаются Бахтиным в двоякой ориентации организма в бытии как индивида и части «большого мира»². В системе бахтинской мысли пафос гуманитарного знания как раз и заключается в том, чтобы преодолеть этот раскол. И, таким образом, стремление к некому обобщению, некому сведению концов частного и общего, конкретного и абстрактного, жизненного и трансцендентного становится не применением философской или какой-либо другой методологии к филологическому материалу, а разработкой действительно новой, гуманитарной методологии, методологии индивидуальной и, может быть, даже не претендующей на всеобщность.

В сфере лингвистической переход от понятия предложения как единицы языковой системы к понятию высказывания оказывается также переходом от стремления к детализации как некой необходимости лингвистической аналитики к стремлению выявить целое, не потеряв частных. Ведь высказывание всегда существует в некой тотальной цельности всех его «элементов» — интонации, своеобразия синтаксиса, выбора лексических средств и т. д. Расчленив предложение на его отдельные составляющие — подлежащее, сказуемое, дополнение, определение — мы всегда мыслим за этими частями абстрактное целое и чувствуем его в каждом моменте аналитического процесса. Попытка «изолировать» отдельные составляющие вы-

¹ Цит. по: Философско-эстетические предпосылки литературоведческой концепции М. М. Бахтина // Третье литературоведение. Материалы филолого-методологического семинара (2007—2008) / под ред. Б. В. Орехова и С. С. Шаулова. — Уфа, 2009. С. 53.

² См.: Канаев И. И. [Бахтин М. М.]. Современный витализм // Человек и природа. — 1926. — №1. С. 33—42; №2. С. 10—22. [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/KANAEV-26/txt.html> (дата обращения: 17.02.2010)

сказывания (к примеру, интонацию, эмоционально-волевым тон, предполагаемую ситуативность высказывания) приводит к тому, что анализируемый предмет вовсе исчезает, оставляя впечатление, подобное образу «дыры от бублика». Поэтому высказывание при всей его диалогической природе обладает специфической тотальностью, целостностью и нечленностью, нераздельностью и неслиянностью.

Действительно, некая диалогическая двухмерность или многомерность высказывания становится для М. М. Бахтина одной из основополагающих характеристик этого феномена: «Высказывания не равнодушны друг к другу и не довлеют каждое себе, они знают друг о друге и взаимно отражают друг друга <...> Каждое высказывание полно отзвуков и отголосков других высказываний»¹. На первый взгляд, такое свойство высказывания, как описанная выше полиинтенциональность, вводит его в некую парадигму интертекстуальности. Эта парадигма в широком своем значении может быть представлена языковой деятельностью как таковой. Так известный филолог, автор лингвистической концепции языкового существования Б. М. Гаспаров отмечает: «Наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток «цитаций», черпаемый из конгломерата нашей языковой памяти...»². Однако в более узком значении понятие интертекстуальности подразумевает совершенно конкретные методологические предпосылки, на которые также отчетливо указывает

Б. М. Гаспаров: «Постструктуралистская ... в своей основе концепция интертекстуальности была, по мнению современных исследователей, изначально направлена на разрушение «мифа» о единстве и целостности текста <...> В конечном счете текст как отдельный феномен теряется в непрерывных интертекстуальных наслоениях»³. Однако, на наш взгляд, концепция Бахтина отнюдь не формирует образ языка как языка «интенционально расхищенного»⁴, так как высказывание здесь менее всего мыслилось механической суммой речевых связей или речевых рефлексий. Это качественно новое целое, в котором равновесной значимостью обладают и диалогическая многослойность и особая бытийная монолитность.

В этом смысле качественное единство приобретает диалогическая речевая многомерность высказывания в акте эстетической деятельности, то есть в случае «вторичных речевых жанров». Представление о творческом акте (описанное в работе «Автор и герой в эстетической деятельности») как об акте бескорыстной, вневременной, «чистой» интенциональности, акте «исхождения из себя» и одухотворения Другого, мира, языка позволяет говорить и об особом рода диалогичности высказывания. Эта диалогичность отлична и от «нулевой», стихийной диалогичности, и от монологического слова и даже от двуголосого слова как состоявшегося факта поэтики. В подобного рода творческом акте актуализируется и конкретное, только здесь уместное, единственное значение слова (то есть его тема), и все возможные его значения, все его смысловые потенции. Слово и его значение здесь приобретают как бы *неумолкаемое эхо* — это и есть высокий язык поэзии.

¹ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М.: Художественная литература, 1986. С. 462.

² Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. С. 14.

³ Гаспаров Б. М. В поисках «другого». Французская и восточноевропейская семиотика на рубеже 1970-х годов // Новое литературное обозрение. — 1995. — № 14. С. 60.

⁴ Гогитшвили Л. А. Философия языка М. М. Бахтина ... С. 144.

Особый оттенок объяснение природы языка с помощью категории высказывания приобретает в свете антропологического пафоса бахтинской мысли. Все положения и эстетической и этической систем М. М. Бахтина организованы вокруг единого ценностного центра — человека в его конкретной, жизненной единственности. «Человека вообще», по логике Бахтина, не существует. Существует конкретный человек, и условие его ценности — это его неминуемая конечность. При этом, как отмечает С. Ю. Данилин, «признаком конкретного, действительного и единственного сознания является эмоционально-волевой тон, выражаемая интонация принадлежит голосу, а голос, в свою очередь, воплощается в речи, высказывании»¹.

Одной из пяти составляющих слова как материала Бахтин считает чувство словесной активности, «чувство активного порождения значащего звука» (сюда входят артикуляция, жест, вся внутренняя устремленность личности, активно занимающейся словом, высказыванием некоей ценностной позиции)². Эта составляющая очень важна, так как сближает понятие высказывания с понятием поступка как бытийного проявления воли поступающего. В языковой концепции Бахтина воля и интенция говорящего приобретают некоторый экзистенциальный колорит. Говорящий должен во многом подняться до своего слова, выразить в нем все средоточие своих внутренних усилий, подобно косноязычному мальчику в кинофильме Андрея Тарковского «Зеркало», произносящему в невероятном напряжении, как последнее слово о себе: «Я могу говорить». Так же, как слово этого мальчика, слово всякого говорящего проходит «испытание выражением», испытание на соответствие внутренней и внешней интонаций, соответствие внешней данности и внутренней заданности.

Человеческая речь, понимаемая как некая бытийная обязанность, наиболее четко выражает заданность как трагедию человека. Все сущее, природа, мир, все вещи существуют в своей успокоенной гармонии, пусть даже текущей и изменяющейся. И только человек должен из последних сил, в условиях изначального всеобщего косноязычия, «единым духом» и «единым голосом» обратиться с молитвой о даре и милосердии — и только в этом непостижимый, бескорыстный и во многом драматический смысл человека.

Очень важна в этом смысле тема завершенности высказывания, особенно выдвигаемая Бахтиным в работе «Проблема речевых жанров»: «Высказывания обладают прежде всего четкими границами <...> По сравнению с границами высказываний все остальные границы (между предложениями, словосочетаниями, синтагмами, словами) относительно и условны»³. Однако и при такой настоятельной необходимости завершенности высказывания, тем не менее как завершившегося в себе факта его не существует. Сознание всегда воспринимает высказывание как факт длящийся так же, как длящимся фактом всегда остается голос, ведь завершенный, умолкнувший голос — мертв. Поэтому завершенность высказывания — завершенность специфическая: внешним ее проявлением действительно является смена речевых субъектов, а внутренне — это потенция завершенности в каждом моменте всегда длящегося высказывания.

Высказывание как отдельный опыт проявления своего «не алиби в бытии» может мыслиться даже несколько отвлеченно от своей содержательной, конкретно-

¹ Философско-эстетические предпосылки литературоведческой концепции М. М. Бахтина. С. 59.

² Бахтин М. М. Работы 20-х годов. — Киев, 1994. С. 310.

³ Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. С. 440.

жизненной или этической, наполненности. В этом проявляется особая обращенность понятия высказывания к сфере эстетического не только как материала «вторичных речевых жанров», но и как особым образом завершенного элемента бытия. Чтобы прояснить эту мысль, следует вновь провести параллель между понятиями высказывания и поступка и вспомнить в связи с этим одно положение М. М. Бахтина: «Поступок не со стороны своего содержания, а в самом своем совершении как-то знает, как-то имеет единственное бытие жизни, ориентируется в нем, причем весь в своей содержательной стороне и в своей единственности, действительности, фактичности»¹. Такое позиционирование поступка и высказывания как «речевого поступка» не только в качестве некоего акта манифестации определенного содержания действия, но как факта зримого и завершаемого действия, неотъемлемого пазла в мозаике бытия, обращает, по логике Бахтина, эти понятия не только к сфере этики, но и к сфере эстетики.

Это приближает нас к осмыслению такой основополагающей для Бахтина категории, как архитектоника, то есть «описание общего плана построения явления, с помощью которого М. М. Бахтин стремится преодолеть роковой диалектизм нравственной философии»². Особая внеаходимость творца творимому миру, позволяющая однако автору быть особо причастным всем моментам своего творчества, в эстетической концепции Бахтина противостоит диалектической антиномичности творящего и сотворенного, приведшей гуманитарную мысль XX века к определенному содержательному тупику. Здесь, на наш взгляд, бахтинская мысль созвучна практически всеобщему антидиалектическому пафосу современной научной и философской мысли. В частности, специфическую параллель можно провести между концепцией внеаходимости М. М. Бахтина и концепцией «внеаходимости» дискурса, внеаходимости универсальной языковой формы Мишеля Фуко. Эти соответствия можно обнаружить, прежде всего, в тезисе М. Фуко о децентрации субъекта по отношению к несознаваемым закономерностям и прерывности его жизни. Эта децентрация показывает, что человек не способен дать себе отчет в том, что формирует и изменяет его дискурс, то есть осознанно воспринять оперативные правила «правлящей надстройки». Эта невозможность для человека ориентироваться в «прерывностях» его жизни подобна невозможности для героя ориентироваться в «прерывностях» сюжета, невозможности увидеть целое своей жизни в эстетической концепции М. Бахтина. Необходимым выходом из этой ситуации для Бахтина является позиция авторской внеаходимости и особой участной авторской активности (в качестве «великого символа активности»

М. Бахтин приводит в работе «К философии поступка» символ «нисхождения Христова», при этом в христианской традиции Христос пребывает в мире, фактически в нем не присутствуя, находясь вне).

Мысль Фуко в своем стремлении выйти за пределы объективной действительности позиционирует этот выход как момент, конструирующий саму действительность. Дискурс — универсальная порождающая языковая форма, универсальный порядок — обладает, с одной стороны, некой неуловимостью, принципиальной невыразимостью, а с другой — глубокой интимной связанностью со всеми формами своего выражения, некой «плотностью», связывающей понятие дис-

¹ Цит. по: Философско-эстетические предпосылки литературоведческой концепции М. М. Бахтина. С. 6.

² Там же. С. 7.

курса с понятием мифа как другой порождающей действительность структуры. При всей разнице этих подходов, и тот и другой на разных основаниях стремятся преодолеть непреодолимую антиномичность физического и метафизического. Бахтин это делает, косвенно основываясь на принципах христианской теологии, Фуко же, основываясь на еще более древнем принципе «что наверху, то и внизу».

В целом, понимание специфики языковой формы имеет у обоих мыслителей весьма много общих моментов. Дискурс Фуко, понимаемый как абсолютная творческая способность структур языка (принципиально невыразимых вербально), имеет ряд сходств с архитектурными формами у М. Бахтина, понимаемыми не как «оформление материала», но как форма эстетического объекта, созидающая произведение в его материальной и событийной полноте. Таким образом, в высшей степени «теологически» понятая форма позволяет М. Бахтину утверждать, что «автор-творец — конститутивный момент художественной формы»¹, что намечает иной ракурс рассмотрения презумпции смерти автора и в концепции М. Фуко. Впрочем, это предмет для специального рассмотрения.

Что касается классификации твердых форм высказывания — речевых жанров — то здесь мы хотим лишь попытаться провести параллель между композиционными и архитектурными формами в сфере эстетической деятельности и между формами языка и высказывания. Бахтин отмечает: «Когда мы строим свою речь, нам всегда предносится целое нашего высказывания: и в форме определенной жанровой схемы и в форме индивидуального речевого замысла. Мы не нанизываем слова, не идем от слова к слову, а как бы заполняем нужными словами целое»². Из этого следует, что языковые формы, которыми мы пользуемся, заполняя некое «предносимое» целое высказывания, так же телеологичны по отношению к нему, как телеологичны композиционные формы художественного текста по отношению к архитектурным формам эстетического объекта. Эстетический объект — воплощенное выражение отношения автора к художественному миру, следовательно, архитектурные формы — это формы этого отношения. Проведенную нами параллель подтверждает и следующее косвенное определение форм высказывания, данное М. М. Бахтиным: «Таким образом, Соссюр игнорирует тот факт, что кроме *форм языка* существуют еще и *формы комбинаций этих форм*»³. Таким образом, все разнообразие арсенала языковых форм служит созданию архитектурной формы высказывания, преследующей не механические, а конечные цели. Специфическая завершенность высказывания как одна из основных характеристик этого феномена, на которой особо настаивает М. М. Бахтин, созвучна определению архитектуры Кантом (раздел «Архитектура чистого разума» в его работе «Критика чистого разума»), как такой живой и действующей системы, от которой нельзя не только что-либо убавить, но нельзя и добавить.

При всей постоянно актуализирующейся и в каждом случае индивидуальной активности форм высказывания можно, следуя аналогии, сказать, что они «пребывают», как архитектурные формы художественного мира (стиль, пафос и т. д.). То есть, в отличие от сугубо телеологичных форм, служащих выражению смысла, архитектурные формы высказывания сами по себе являются «живым смыслом».

¹ Бахтин М. М. Проблемы содержания материала и формы // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. — М.: Художественная литература, 1986. С. 32.

² Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. С. 457.

³ Там же. С. 451. (Курсив мой — К. П.)